

9(4) 2

Г 648

Гомулицкий В.

Польская революція

56301

1830—31 гг.

Переводъ съ польскаго, съ предисловіемъ и прииѣчаніями
Е. Чернскаго.

48
В. Толуцкій.

Польская революція

ифр. 914

1830—31 гг.

ГБ
№ 6809

Переводъ съ польскаго, съ предисловіемъ и примѣчаніями
Е. Чернаго.

Карельская АССР
БИБЛИОТЕКА
Государственный
университет
т. Петропавловск
проспект Лазина д. 1



БИБЛИОТЕКА
Ленинградского
Коммунистического
Академического
Центра ЦИК СССР

56301

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Екатерининскій каналъ, д. 104. Телефонъ 230—58.

1906.

Электротпечатня Я. Левенштейнъ, Екатеринбургскій

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый краткій очеркъ революціи 30—31 гг. принадлежит перу извѣстнаго польскаго поэта Виктора Гомулицкаго (род. въ 1851 году). Выросшій въ тяжелую для поляковъ пору, наступившую послѣ подавленія послѣдняго возстанія 63 года, — въ эпоху усталости, разочарованія и скептицизма, — Гомулицкій поневолѣ долженъ былъ искать точки опоры не въ жизни, а въ чемъ нибудь болѣе неизбежномъ и вѣчномъ. И онъ нашелъ ее: это было самодовлѣющее „чистое“ искусство. Загородившись имъ отъ невеселыхъ, часто отвратительныхъ, картинъ сѣрой дѣйствительности, поэтъ жилъ, обвѣянный молчаливыми образами идеальной красоты. Отсюда — его тяготѣніе къ пластикѣ, — его олимпійски-невозмутимыя настроенія, отсюда — его стремленіе къ внѣшней отдѣлкѣ своихъ стиховъ, которая поставила его въ первые ряды мастеровъ формы.

Этими-же сторонами его творчества обуславливаются всѣ достоинства и недостатки предлагаемаго очерка.

Описывая борьбу своего роднаго народа съ деспотизмомъ, авторъ, естественно, долженъ былъ спуститься съ холодныхъ парнасскихъ высотъ. Въ немъ заговорило теплое общечеловѣческое и національное чувство и наполнило мертвыя строки любовью къ неуловимой свободѣ и скорбной печалью по несбывшимся надеждамъ. Лишнее прибавлять, что книжка написана красивымъ языкомъ и общій обликъ возстанія рисуетъ выпуклыми ясными чертами.

Но, сумѣвъ ярко возсоздать внѣшность явленія, Гомулицкій не захотѣлъ заглянуть поглубже, въ темныя родники его причинъ. Грубые экономическіе фундаменты историческихъ событій и людскихъ поступковъ автора совсѣмъ не интересуютъ. Онъ даже какъ-будто не видитъ ихъ и тотъ или иной ходъ вещей объясняетъ иногда случайными, второстепенными, но легче замѣчаемыми причинами.

Въяснить все недосказанное Гомулицкимъ, углубить его — порой поверхностный — взглядъ на событія и отдѣльныя лица, — вотъ задача этого предисловія. Надѣмся, что въ результатѣ

наша книжка дастъ читателю всестороннее пониманіе того момента, когда растерзанная Польша съ геройской отвагой возстала противъ безпощаднаго гнета николаевскаго режима.

Въ описываемое время въ Польшѣ преобладающими классами населенія были крестьяне и шляхта (дворяне).

Крѣпостное право въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимается это слово у насъ, въ Польшѣ было уничтожено еще въ 1807 году. „Освободителемъ“ явился Наполеонъ. Своимъ юльскимъ кодексомъ онъ уничтожилъ личную зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ, но совершенно не затронулъ земельного и имущественнаго вопроса. Шляхта не замедлила этимъ воспользоваться и истолковала новый законъ въ томъ смыслѣ, что крестьянинъ лично освобожденъ, но имущество и земли его остались во владѣніи дворянъ. Такимъ образомъ крестьяне нежданно очутились между небомъ и землей. Началось насильственное выселеніе ихъ изъ родныхъ гнѣздъ и вскорѣ приняло такіе огромные размѣры, что даже сеймъ принужденъ былъ отсрочить выполнение этой мѣры на годъ. Этимъ онъ лишь санкціонировалъ толкованіе шляхтой наполеоновскаго закона.

Между тѣмъ, у шляхты оказались огромныя количества свободной земли и орудій производства. Тѣ-же крестьяне принуждены были арендовать ихъ, чтобы не умереть съ голоду. Бѣднѣйшіе изъ нихъ были окончательно обезсилены этими передрягами и перешли въ разрядъ батраковъ. Благодаря крайне невыгоднымъ аренднымъ условіямъ, слой деревенскаго пролетаріата все увеличивался и увеличивался; положеніе крестьянъ все ухудшалось.

Въ 1815 году послѣ четвертаго раздѣла Александръ далъ Польшѣ конституцію. Мѣста въ парламентѣ — сеймѣ — заняли почти исключительно дворяне и высшія сословія. Понятно, поэтому, что сеймъ совершенно не касался крестьянскаго вопроса: для него было не выгодно заботиться о „хлопахъ“. Онъ даже дѣлалъ попытки еще болѣе ухудшить ихъ положеніе *).

Въ 1820 г. на данный правительствомъ капиталъ было учреждено „Земское Кредитное Общество“ для выдачи ссудъ сель-

*) Такъ сеймъ 1825 года уничтожилъ статью, предоставлявшую арендаторамъ право выкупа своихъ имѣній.

мо-чимъ хозяевамъ на развитие хозяйства. Эта мѣра, благоприятная
тааа крупныхъ владѣній, ускорила процессъ обезземеленія бѣдня-
овъ. Батрачество стало развиваться усиленнымъ темпомъ. Бат-
икамъ давалась тѣсная грязная хата, или даже часть ея, и опре-
вленное количество хлѣба. За это, они всю жизнь обречены
ли оставаться рабами своихъ помѣщиковъ.

Съ 1815 по 1830 годы, благодаря дѣятельности автономнаго
льскаго правительства, въ краѣ сильно развилась мелкая про-
ашленность, отвлекавшая избытокъ деревенскаго пролетариата
городскую бѣдноту. Условія труда, какъ и всегда при возник-
овеніи капитализма, были, конечно, самая варварскія.

807 Такимъ образомъ мы видимъ, что къ моменту возстанія ос-
овные по численности слои населенія — крестьянство и город-
отъ кой пролетаріатъ — находились въ страшно тяжеломъ положеніи.
ше- нтекавшее отсюда скрытое глухое недовольство, само собою
сь- нзумѣется, благоприятствовало возстанію. Только благодаря ему,
инт- возстаніе привлекло къ себѣ широкія народныя массы.

Всюду — и въ Польшѣ, и на Литвѣ, и на Волыни — крестьяне
отно мѣняли соху на топоръ и ружье, надѣясь въ войнѣ съ
ис- москалями* завоевать себѣ землю и сбросить иго ненавистнаго
их- анства. И если бы шляхта сумѣла отрѣшиться отъ своего клас-
ср- ского эгоизма, если-бы она вначалѣ возстанія закрѣпила за
то- крестьянами ихъ право собственности на землю, уничтожила ихъ
ани- ражданское безправіе, — тогда бы революція приняла характеръ
сво- тихійнаго народнаго движенія, и русскимъ не пришлось-бы,
уж- вроятно, торжествовать свою побѣду надъ нею.

бд- Но дворянство, какъ это всегда и вездѣ бываетъ, оставалось
ере- вконца слѣпымъ и глухимъ къ народной нуждѣ. Оно пре-
инт- дѣдовало лишь свои интересы.

ета- За время конституціи 1815—30 гг. шляхта въ экономиче-
ни- скомъ отношеніи въ сущности ничего не потеряла. Но ея классо-
е- ре самолюбіе было сильно уколото значительной утратой поли-
аль- тического вліянія. Прежде она была полнымъ неограниченнымъ
на- тиастелиномъ Польши, а теперь тутъ замѣшалась какая-то чуждая
по- наивистная власть, которая постоянно грубо вмѣшивалась въ
сва- „собственныя“ *) дѣла. Все это, сплетаясь съ оскорбленнымъ
же- национальнымъ чувствомъ, сдѣлало изъ шляхты элементъ, болѣе
и- ви менѣе враждебно настроенный противъ русскаго прави-
ж- тельства.

*) Государственные интересы шляхта издавна привыкла отождествлять со
оими личными.

Самыя состоятельныя и, слѣдовательно, самыя консервативныя группы шляхты втайнѣ мечтали о прошломъ, о тѣхъ временахъ, которыя, по мѣткому выраженію одного историка, были „небомъ для дворянства, раемъ для духовенства и адомъ для крестьянъ“. Прежде всего имъ хотѣлось, чтобы верховная власть изъ рукъ русскаго намѣстника была передана поляку. Давнишніе кандидаты на польскій престолъ—Чарторижскіе—тутъ, конечно, были на первомъ планѣ. Затѣмъ, чтобы расширить сферу своего вліянія до бывшихъ размѣровъ, они поддерживали требованіе присоединенія Литвы. Дальше правяя группы шляхты идти не думали; демократизація конституціи была не въ ихъ интересахъ *)

Влѣво, рядомъ съ ними, стояла либеральная шляхта, игравшая въ сеймѣ роль оппозиціи. Трудно дать въ коротенькой замѣткѣ точную формулировку ся программы. Вѣрнѣе—нея не было общей программы, такъ какъ оппозиціонныя группы складывались изъ слишкомъ пестрыхъ элементовъ, имѣвшихъ за собою различныя экономическія и политическія предпосылки. Рядомъ съ крупнымъ магнатомъ—маршаломъ Владиславомъ Островскимъ—здѣсь стояли близкіе по настроеніямъ къ революціонной демократіи братья Немоевскіе. Ихъ объединяла тотъ буржуазный либерализмъ, который со временъ Великой Революціи вѣялъ своими шумными крыльями надъ Европой.

Но все-же шляхта, какъ консервативная, такъ и большая часть либеральной, являлась сторонницей *мирнаго* переворота. Это понятно. Собственники крупныхъ имѣній и городской недвижимости, тысячами крѣпкихъ нитей привязанные къ установившемуся порядку, могли лишь въ крайнемъ случаѣ до вѣрнуться обманчивому жребію вооруженной борьбы съ сильнѣйшимъ противникомъ. Поэтому-то пылая революціонная молодежь съ презрительной ироніей называла даже либеральныя элементы шляхты „монархически—конституціонно—законно—оппозиціонной партией сейма“.

Этотъ страхъ шляхты передъ открытымъ возстаніемъ, какъ мы увидимъ, оказался вполнѣмъ одной изъ главныхъ причинъ неудачи поляковъ.

На фонѣ этихъ двухъ классовъ въ Польшѣ къ тому времени уже сложилась довольно многочисленная городская революціонная интеллигенція. Состоявшая преимущественно изъ литераторовъ, журналистовъ, молодыхъ офицеровъ, студентовъ

*) Кромѣ Чарторижскаго, сюда принадлежали Людвигъ Плятеръ, Велопольскій, Г. Малаховскій и др.

т. п., она была проникнута демократическими идеями, пылкостью и горячим идеализмом молодости. Каждое новое проявление произвола падало въ эти слои, какъ искра въ пороховой погребъ. Благодаря школь, газетамъ, книгамъ, большимъ знакомствамъ въ различныхъ слояхъ населенія, они имѣли очень сильное вліяніе на общество. Они создавали то, что называется „общественнымъ мнѣніемъ“. Однимъ словомъ, это было чуткое и гнѣвное сердце оскорбляемой нашіи.

Проникнутая революціонными идеями интеллигенція съ презрѣніемъ относилась къ эгоистической трусливости конституціоналистовъ. Для проведенія своихъ идей въ жизнь она не видѣла другого пути, кромѣ вооруженнаго возстанія. И задачи я не ограничивались, понятно, узкими рамками шляхетскихъ возжелдній. Она желала создать изъ объединенной Польши республику или, по крайней мѣрѣ, королевство, въ которомъ главную роль игралъ-бы дѣйствительно народный сеймъ. Загѣмъ она видѣла необходимость не только въ чисто политическихъ, но и въ социальныхъ реформахъ. На первомъ мѣстѣ стояло, конечно, урегулированіе крестьянскаго вопроса.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ, къ сожалѣнію, подробнѣе остановиться на задачахъ польской демократіи того времени. Наиболѣе вліятельными ея членами были: Лелевель, бывший профессоръ Виленскаго университета, исключенный отсюда вмѣстѣ съ другими въ 1825 году за вредное вліяніе на учащихся, и журналистъ Маврикій Мохнацкій.

Въ то время у поляковъ не была еще отнята своя постоянная армія, доходившая до 40000 чел. Главное начальство надъ нею принадлежало русскому намѣстнику, великому князю Константину. Въ войскахъ очень силенъ былъ духъ патріотизма; почти вся офицерская масса мечтала о возстановленіи независимости родного края, и большинство ждало возстанія съ нетерпѣніемъ. Взоры арміи были обращены на генерала Хлопицкаго, главнокомандующаго польскихъ войскъ, участника наполеоновскихъ войнъ, храбраго солдата и талантливаго полководца.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что русскому правительству въ Польшѣ не на кого было опереться—за исключеніемъ, развѣ, мелкаго мѣщанства, чуть-ли не на $\frac{3}{4}$ состоявшаго изъ евреевъ.

Правительство могло-бы, конечно, мудрой гуманной политикой и строгимъ соблюденіемъ конституціи завоевать постепенно симпатіи поляковъ. Но такая задача была совершенно не

по плечу самодержавію: оно съ первыхъ же шаговъ стало дѣйствовать какъ разъ наоборотъ...

Обрисуемъ въ краткихъ чертахъ его политику за время предшествовавшее возстанію*).

Конституціей 1815 года сейму предоставлялись обширныя законодательныя права, воеводствамъ и гминамъ—самоуправленіе. Но всюду, какъ мы уже упоминали, первое мѣсто заняли землевладѣльцы. Сеймъ состоялъ изъ двухъ палатъ, имѣвшихъ реальную власть: верхней (сенаторской), всѣ члены которой назначались королемъ, и нижней (посольской), составлявшейся изъ депутатовъ отъ шляхты и 51 депутата отъ другихъ сословій. Само собой разумѣется, что почти всѣ члены верхней палаты были дворяне. Король созывалъ сеймъ каждыя два года.

Уже на первомъ сеймѣ (1818 г.) обнаружались элементы конфликта. Въ адресѣ, поданномъ послѣ его окончанія, острожно и съ оглядкой высказывались пожеланія кое-какихъ формъ. Но Александръ даже и этимъ остался недоволенъ. Въ отвѣтъ на адресъ онъ далъ понять, что конституція есть даръ, что поляки слишкомъ ужъ увѣрены въ ея неизмѣнность и что сеймъ имѣетъ право высказывать свои мнѣнія лишь по тѣмъ вопросамъ, которые ему предложитъ правительство.

Естественно, что выборы въ слѣдующій сеймъ (1820 г.) значительно усилили оппозицію. Александръ, разгнѣванный непримиримостью поляковъ, при открытіи сейма заявилъ, что до тѣхъ лишь поръ будутъ имѣть конституцію, пока будутъ руководствоваться правилами... христіанскаго смиренія. Затѣмъ правительствомъ былъ внесенъ новый проектъ уголовного законодательства, составленный въ крайне реакціонномъ духѣ и дававшій широкій просторъ произволу администраціи. 117 голосами противъ трехъ проектъ былъ отвергнутъ. Александръ распустилъ сеймъ и заявилъ депутатамъ на прощанье, что они сами мѣшали восстановленію своего отечества. Кроме того, недовольный решениемъ рѣчей оппозиціи, онъ добавочной статьей къ конституціи уничтожилъ публичность засѣданій сейма. Съ тѣхъ поръ сеймъ—опять таки вопреки конституціи—не былъ созываемъ до 1825 года.

Присмотримся ближе къ характеру русскаго вліянія на внутреннія дѣла Польши.

* Фактическая часть дальнѣшаго изложенія взята нами, главнымъ образомъ изъ прекрасной книги Болеслава Лямановскаго: «Stuletnia walka narodu polskiego o niepodleglosc» (Столѣтняя борьба польскаго народа за независимость). Лвѳв, 1906 г.

Первое мѣсто въ этомъ отношеніи занималъ главный вождь ми—великій князь Константинъ, братъ Александра I, фактически игравшій въ Польшѣ роль самодержавнаго монарха. ть какъ характеризуетъ его одинъ изъ современниковъ (ozmian):

„Это былъ полу-человѣкъ, полу-звѣрь—и физически и нравственно. Черты лица его напоминали болѣе звѣря, чѣмъ человека; тѣло-же, стройное и сильное, было цѣликомъ человеческимъ. вмѣсто носа имѣлъ ноздри, вмѣсто бровей—щетину, голосъ его походилъ скорѣе на лай или рычанье, чѣмъ на звуки человеческіе. Душа его была одновременно душой тирана-раба; любилъ и умѣлъ онъ лишь самовластно приказывать или впо подчиняться. Жестокій и необузданный—онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ трусливѣйшимъ изъ людей... Одаренный обширной памятью, живымъ остроуміемъ и пронизательностью, онъ не умѣлъ цѣнить способностей ни въ себѣ, ни въ другихъ; они раздражали его...“.

Понятно, что человѣкъ съ такими наклонностями, поставленный во главѣ враждебной и къ тому же совершенно чуждой націи, долженъ былъ проявить по отношенію къ ней самыя дшія черты своего характера. Это и не замедлило случиться.

Съ самаго начала своей дѣятельности онъ сталъ руководствоваться, главнымъ образомъ, донесеніями тайной полиціи. вмѣсто того, чтобы постараться умиротворить страну, онъ началъ раздражать все общество своими незаконными репрессивными мѣрами. Для искорененія революціоннаго духа подъ своимъ личнымъ надзоромъ онъ учредилъ шпіонскую организацію, въ составъ которой вошелъ именованъ высшей военной тайной полиціи. Начались аресты; стали преслѣдоваться редакторы и сотрудники газетъ за нежелательныя для него статьи; посыпались угрозы учащимъ и учащимся. Люди независимыхъ убѣжденій подвергались всякимъ несправедливостямъ; на различныя—порой отвѣтственныя—должности назначались хамы и лстецы. Примѣромъ можетъ служить его личный секретарь—начальникъ полиціи, вице-президентъ Варшавы Любомирскій*), безнаказанно распоряжавшійся даже имуществомъ короля.

Въ 1815 году послѣ провозглашенія конституціи былъ сформированъ кабинетъ министровъ, въ который вошли болѣе или менѣе уважаемые общественные дѣятели. Но вскорѣ же

*) Тотъ самый, который былъ убитъ въ Вальведерѣ въ первую ночь революціи.

положеніе ихъ сдѣлалось очень труднымъ. Изъ-за одной сатиры П
высмѣивавшей религиозный фанатизмъ и ханжество, принужденъ дали
былъ выйти въ отставку министръ народнаго просвѣщенія Потоц Уж
кій. Замѣнилъ его реакціонеръ Грабовскій, который, по словамъ нята
Козіан'а, ни въ комъ не возбуждалъ ни довѣрія, ни уваженію
нія. Вскорѣ той-же участи подвергся министръ финансовъ. Вотъ т
что рассказываетъ объ этой послѣдней отставкѣ Лимановскій да

„Когда на чрезвычрныя требованія Константина министръ ить
отвѣтилъ, что у него нѣтъ больше денегъ на содержаніе войскъ нія
—Александръ предложилъ варшавскому правительству рѣшить вычн
хочетъ-ли Польша пользоваться политической самостоятельностью, та
или нѣтъ; способно-ли королевство управляться и впредь соб- ено.
ственными силами, или же ему придется дать иную политическую На
организацию, болѣе соответствующую его силамъ... Передъ та- я п
кой прозрачной угрозой министръ отступилъ и подалъ въ отставку, роп
а его обязанности перешли къ кн. Любецкому, который съ о сл
чисто русскимъ рвеніемъ принялся выколачивать подати и не-ско
домки, накопившіяся съ 1807 года (!).. Когда ему указывали ній
на несправедливость его финансовыхъ мѣропріятій, онъ отвѣ-враз
чалъ: „я—министръ не нравственности, а финансовъ“. Эту мысль юціи
министръ доказывалъ и еще болѣе наглядно: не такъ открыто гов
какъ Новосильцевъ*), онъ сумѣлъ все-таки чрезъ подставныхъ лицъ рые
приумножить свое состояніе“... зват

Не хватило-бы толстой книги, чтобъ перечислить всѣ под- циян
виги тогдашняго русскаго самодержавія въ конституціонной М
Польшѣ. Упомяну лишь о разгромѣ въ 1824 году Виленскаго нязм
университета (имѣвшаго огромное значеніе для литовской и поль-каз
ской культуры **) и о страшныхъ свирѣпостяхъ цензуры, кото-кажд
рая не пропускала ничего, мало-мальски смѣлаго и независимаго. вли

Само собой разумѣется, что подобная политика могла только рисо
усилить недовольство поляковъ, поднять ихъ революціонное нача
строеніе. Уже издавна въ Польшѣ существовали различныя тай-В
ныя общества—массонскія и чисто революціонныя. Съ усиленіемъ онна
реакціи ихъ число и сила быстро возрастали, несмотря на частые на сл
аресты членовъ. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ завязались сно-ія в
шенія между польскими обществами и южно-русской организа-вляи
ціей декабристовъ. Неудача декабрьскаго бунта, отразившаяся вѣ
роен

*) Новосильцевъ—взяточникъ крупнаго калибра—былъ императорскимъ
комиссаромъ въ Варшавѣ и однимъ изъ близкихъ къ Константину людей.

**) Подъ его крышею воспитывался, между прочимъ, Адамъ Мицкевичъ.

Польшѣ обильными арестами, не испугала поляковъ. Они ждали только удобнаго случая.

Уже въ 1828 году, когда большая часть русской арміи была занята войной съ Турціей, въ военныхъ организаціяхъ, по повелѣнію Петра Высоцкаго *), обсуждалась возможность возстанія.

Но тогда эта мысль въ виду недостаточной полготовленности была оставлена до болѣе благопріятнаго момента. Этотъ моментъ наступилъ, казалось, въ маѣ 1829 года — въ дни коронаціи Николая I королемъ польскимъ. Было рѣшено во время обычнаго смотра войскамъ захватить царя и его приближенныхъ, такимъ образомъ, начать возстаніе. Все уже было приготовлено, но разныя случайности помѣшали исполненію этого плана.

Начало царствованія Николая I было какъ-будто благопріятно для поляковъ. Рѣчь его при открытіи сейма (1830 г.) произвела хорошее впечатлѣніе. Напряженность реакціи нѣсколько ослабла.

Но слишкомъ ужъ долго оскорблялось національное и человѣческое самосознаніе народа, чтобъ это могло измѣнить ходъ событій. Къ тому-же какъ разъ въ этомъ году въ Европѣ вновь отразилась революціонная гроза. Извѣстія объ іюльской революціи потрясли поляковъ. Въ обществѣ и арміи только о ней говорили. Возстаніе было такъ неизбежно, что даже нѣкоторые, наиболѣе предусмотрительные министры пытались завязать сношенія съ заговорщиками, чтобъ не потерять своего вліянія при новыхъ условіяхъ.

Между тѣмъ, правительство тоже насторожилось. Великому князю была предоставлена неограниченная власть съ правомъ наказанія — вплоть до смертной казни. Шпіоны рыскали всюду. Каждый день грозилъ заговорщикамъ проваломъ. Уже арестовали одного изъ важнѣйшихъ членовъ организаціи — Урбанскаго. Высоцкій и Заливскій тоже едва уцѣлѣли. Деспотизмъ снова началъ показывать свои когти.

Въ концѣ октября въ Варшавѣ стало извѣстно, что министръ финансовъ получилъ повелѣніе пополнить казну королевства — на случай похода польскихъ войскъ въ Бельгію... для подавленія революціи. Эти слухи страшно взволновали армію и заставили заговорщиковъ торопиться, такъ какъ въ противномъ случаѣ они рисковали остаться безъ денегъ, безъ войскъ и безъ военныхъ запасовъ.

Послѣ нѣсколькихъ отсрочекъ начать возстаніе рѣшено было, наконецъ, въ ночь съ 29 на 30 ноября.

*) Высоцкій — горячій патріотъ, одинъ изъ главныхъ дѣятелей возстанія 30 года; былъ до этого инструкторомъ Школы Подпоручицъ.

✓ Такимъ образомъ, мы видимъ, что возстаніе 1830—31 года не случайный „бунтъ“, созданный „крамольниками“, а законное общественное явленіе, имѣющее свои социальныя и политическія предпосылки. Причина, вызвавшая его,—тотъ невосприимчивый произволъ, который давилъ не только Польшу, но и Россію. Причины, обезпечившія ему широкое распространеніе, тяжелыя условія жизни основной народной массы—крестьянъ и возмущенное постоянными насиліями національное самосознаніе всего населенія.

Не поляки отвѣтственны за ту кровь, которая залила нашу отчизну, начиная съ вечера 29 ноября. Нѣтъ! Эта кровь въ смысломъ пятномъ Каина заклеила титулованныхъ палачей свободы и независимости, казнями, каторгой, тюрьмами и ссылками терзавшихъ тысячи борцовъ за лучшую долю народа.

Возстаніе 30—31 гг.—лишь одна страничка долгой, упорной и до сихъ поръ еще не кончившейся борьбы съ самодержавнымъ произволомъ, которая кипитъ на всемъ необъятномъ пространствѣ Россіи—отъ Владивостока до Варшавы и отъ Архангельска до Тифлиса. На протяженіи слишкомъ ста лѣтъ русский народъ въ однихъ рядахъ съ другими боролся за свободу. Теперь мы почти наканунѣ побѣды, но позади осталось много братскихъ могилъ, много разбитыхъ надеждъ, много труповъ крови и слезъ, одинаково дорогихъ и близкихъ и полякамъ и русскимъ.

Поэтому-то мы надѣемся, что эта книжка, рисующая одну изъ эпизодовъ *совмѣстной* борьбы съ *общимъ* врагомъ, найдетъ откликъ и у нашего читателя...

Е. Чернскій.

Во
яцъ-
нецъ,
амаг
В
С
вою
анят
колле
горо
diavo
ры
В
теръ
скихъ
выи
выра
друг
В
шахт
ихъ
было
рѣис
жих
въ п

окру:
**
моло:
зна

Польская революція 1830—31 гг.

Вечеръ 29 ноября *) 1830 года былъ тихій и ясный. Мѣсяцъ—то прятался въ облака, то выплывалъ изъ нихъ, — наконецъ, онъ, задумчивый, вышелъ на небо и спокойно горѣлъ до самаго разсвѣта.

Въ Варшавѣ жизнь шла обычнымъ порядкомъ. Сапожники въ Старомъ городѣ, запаливъ съ раннихъ сумерекъ лампы, тачали свою кожу, распѣвая „godzinki“ **). Въ военной школѣ кончали занятія стратегіей. Генераль Скржинецкій засѣлъ за вистъ у коллеги Сементковскаго. Горожане въ мѣховыхъ бекешкахъ, горожанки въ теплыхъ юбкахъ, молодежь въ плащахъ à la Fra diavolo на красной подкладкѣ—толпами шли въ театры, которые въ то время открывались рано.

Въ „Rozmaitosciach“ ***) предъ поднятіемъ занавѣса въ партерѣ показался, окруженный русскими офицерами, генераль польскихъ войскъ—высокій, статный, въ одно и то-же время суровый и добродушный, съ необычнымъ, труднымъ для передачи выраженіемъ лица — человекъ. Молодежь показывала на него другъ другу пальцами и шептала тихо:

— Хлопицкій...

Всего тише было въ Лазенковскихъ и Бельведерскихъ чашахъ ****). Тише и дремотиѣ. Деревья, еще не потерявшія своихъ листьевъ, тихо шумѣли — словно убаюкивали себя. Иногда было слышно, какъ зѣвали рѣлкіе часовые. Въ русскихъ артиллерійскихъ казармахъ ярко горѣлъ огонь, а „школѣ подхорунжихъ“ *****) уже тонула во мракѣ: одна часть воспитанниковъ ушла въ городъ, остальныхъ какъ-будто укачала тяжелая дремота...

*) Всѣ даты—по новому стилю.

***) Молитва Бегородицѣ, часто распѣваемая народомъ.

****) Извѣстный варшавскій театръ.

*****) Лазенки и Бельведеръ—императорскіе дворцы на окраинѣ Варшавы, окруженные роскошнымъ старымъ паркомъ.

*****) Военная школа, помѣщавшаяся въ Лазенкахъ. Здѣсь обучалось до 300 молодыхъ людей преимущественно—изъ интеллигенціи, страстно стремившихся къ знанію и патріотически настроенныхъ. Поэтому-то школа была однимъ изъ центровъ заговорщической организаціи.

Въ Бельведерѣ великій князь Константинъ послѣ стола, во время котораго онъ по обыкновенію много смѣялся, погѣловалъ руку своей хорошенькой жены княгини Ловецкой и въ сопровожденіи камердинера ушелъ въ спальню—отдохнуть послѣ обѣда. Какъ всегда, онъ быстро раздѣлся и легъ въ постель. Стало еще тише, еще глуше. Во всемъ дворцѣ ходили на цыпочкахъ и разговаривали лишь шепотомъ.

Вскорѣ со стороны города подѣхала коляска на рессорахъ. Изъ нея выскочилъ варшавскій президентъ Любовидзкій. Онъ потребовалъ немедленнаго пропуска къ князю, говоря, что принесъ чрезвычайно важныя, не терпящія отлагательства извѣстія. Ему отвѣтили, что не существуетъ такихъ важныхъ извѣстій для которыхъ можно было бы прервать сонъ цесаревича, а приказали ждать, пока онъ проснется.

Сонная тишина, носившаяся въ воздухѣ и проникавшая вмѣстѣ съ осенней мглой въ дома и мысли людскія, сдѣлала то, что Варшава не обратила особеннаго вниманія на случай, самъ по себѣ незначительный, но происшедшій при не совсѣмъ обычныхъ условіяхъ.

Между пятымъ и шестымъ часами вечера на двухъ противоположныхъ концахъ города одновременно вспыхнули два пожара. Загорѣлась старая пивоварня на Сольцѣ и тотчасъ же показалось пламя на крышѣ высокой каменной постройки противъ арсенала. Оба пожара немедленно были потушены *).

Нежданно въ началѣ седьмого часа въ аллеѣ, которая вела къ Бельведеру, громко закричѣлъ песокъ подъ ногами бѣгущихъ людей. Это была небольшая толпа молодежи, вооруженная карабинами, саблями и кинжалами. Часовой у воротъ въ одну минуту былъ разоруженъ и связанъ. Толпа ворвалась на дворъ и подступила къ дворцу съ неистовыми криками: „смерть! смерть!“

Вѣроятно, только эти крики и спасли великаго князя. Камердинеръ, услышавъ ихъ, сбѣжалъ въ спальню, поднялъ съ постели на половину соннаго Константина, окуталъ его въ шлафрокъ и—вынесъ потайнымъ ходомъ въ павильонъ, занимаемый княгиней.

Заговорщики добрались и туда,—но нашли лишь княгиню и ея приближенныхъ дамъ, стоявшихъ на кофѣняхъ по срединѣ комнаты и громко читавшихъ молитвы. Молодежь 1830 года умѣла уважать женщинъ и религію... Революціонеры вернулись,

*) Эти пожары должны были служить условными знаками для начала дѣйствій въ разныхъ частяхъ города.

не зная, что въ срединѣ этого живого круга находился великій князь.

Онъ, такимъ образомъ, спасся. Жертвами этого нападенія оказались: дождавшійся въ приѣмной съ рапортомъ (о революціи!) Любовилзкій и русскій генераль Жаандръ, который сѣдлалъ коня, чтобы вызвать гвардію на помощь.

Въ то же время со стороны Лазенокъ донесся гулъ многочисленныхъ выстрѣловъ. Подхорунжіе, сидѣвшіе до тѣхъ поръ въ потьмахъ, положивъ руки на курки карабиновъ, выбѣжали изъ зданія вслѣдъ за Высоцкимъ, который кричалъ: „Поляки! Часть мести настала! Сегодня намъ предстоитъ побѣдить или умереть! Къ оружію“. Ихъ было сто шестьдесятъ человекъ. Они обрушились на русскія кавалерійскія казармы, полныя вооруженныхъ, обученныхъ солдатъ. Тамъ нападеніе ихъ, подобно грому съ яснаго неба, вызвало сильный переполохъ...

Революція началась.

Немного позже князь Константинъ, окруженный своей гвардіей, уже сидѣлъ на конѣ, занявъ въ аллеяхъ парка оборонительную позицію.

„Бельвелерцы“ соединились съ отрядомъ Высоцкаго и, благодаря всеобщему замѣшательству и своей дерзкой отвагѣ, успѣли вмѣстѣ съ нимъ пробиться сквозь ряды заступавшихъ имъ дорогу русскихъ войскъ. То были: Северинъ Гошинскій, Людвигъ Янковскій, Винцентъ Кобылянскій, Людвигъ Набелякъ, Валентинъ Насеровскій, Зенонъ Немоевскій, Людвигъ Орпишевскій, братья Рохъ и Никодимъ Рупневскіе и Константинъ Пржжаневскій.

Одновременно другія части революціонеровъ начали дѣйствовать на противоположной сторонѣ города. Одни на Марсовомъ полѣ въ гвардейскихъ казармахъ (на мѣстѣ теперешней цитадели) призывали польскіе полки выступить съ оружіемъ въ рукахъ на улицы; другіе поднимали Старый городъ, освященный традиціями Килинскаго*). Тутъ именно дѣйствовалъ Маврикій Мохнацкій, „польскій Робеспьеръ“, который съ какой-то старой саблей въ рукахъ бѣгалъ по переулкамъ Стараго города и кричалъ слабымъ чахоточнымъ голосомъ—голосомъ литератора:— „Къ оружію, граждане! къ оружію!“

Отрядъ изъ Лазенокъ и Бельведера добрался до площади Трехъ крестовъ; улицы оглашались его революціонными крика-

*) Янъ Килинскій—извѣстный участникъ возстанія 1794 г., сапожникъ по профессіи, произведенный потомъ за храбрость и способности въ полковникъ.

ми. По дорогѣ форточки отворялись и снова быстро захлопывались. Мѣшанство недовѣрчиво и трусливо относилось къ возстанію.

Отрядъ шелъ разгоряченный, такъ какъ уже понюхалъ пороху и крови. Стали встрѣчаться жертвы. Убивали за явныя порицанія политическаго переворота, за давніе грѣхи, за шпионство и т. д. Въ Краковскомъ предмѣстьи генераль Новицкій—человѣкъ уважаемый и большой патриотъ—былъ вытасненъ изъ кареты и убитъ потому, что въ сумятицѣ не достаточно ясно назвалъ свою фамилію. Его приняли за русскаго Левицкаго, нелюбимаго коменданта города.

Завладѣніе арсеналомъ рѣшило судьбу этого памятнаго дня*). Черезъ открытыя окна выбрасывались на улицу карабины, сабли, копья, пистолеты, аммуниція. Все это разбиралъ народъ, вооружался и всю ночь бродилъ по улицамъ съ криками и выстрѣлами. Русскіе въ открытую борьбу пока не вступали. Русскіе полки и много польскихъ, по приказу великаго князя, были стянуты въ аллеяхъ Бельведера. Раннимъ утромъ онъ со всѣмъ войскомъ отступилъ въ Вержбну**) и тамъ въ маленькомъ деревянномъ домикѣ устроилъ свою временную „главную квартиру“.

Революціонеры послѣ первой вспышки возбужденія прежде всего стали думать о правительствѣ. Революція не могла быть безголовымъ чудовищемъ. Но „правительство“ силою вещей представлялось имъ прежде всего—предводительствомъ вооруженными силами. У всѣхъ на языкѣ была одна фамилія—Хлопицкій...!

Разослали за Хлопицкимъ гонцовъ. Но не нашли его ни въ собственномъ жилищѣ, ни у родственниковъ, ни у знакомыхъ. Нигдѣ его не было. По выходѣ изъ театра онъ пропалъ безъ слѣда.—Неужли испугался власти?—спрашивали нѣкоторые полусути. Такъ и было на самомъ дѣлѣ. Фанатикъ порядка и военной дисциплины—онъ содрогался при мысли о нарушеніи присяги и съ отвращеніемъ сторонился отъ всякихъ революціонныхъ дѣйствій.

Хлопицкій явился лишь къ вечеру на другой день—и то только затѣмъ, чтобы подтвердить свое нежеланіе участвовать въ „бунгѣ“ (такъ онъ называлъ первый періодъ революціи).

*) Въ общемъ первый день возстанія оказался не вполне удачнымъ. Не были, напримѣръ, захвачены и обезоружены русскія войска, какъ это предполагалось ранѣе.

**) Дачная мѣстность въ окрестностяхъ Варшавы.

Въ эту-же самую ночь министръ финнасовъ Любецкій, поспѣшно созвалъ Совѣтъ администраціи королевства, стараясь создать изъ него временное правительство. Туда входили, кромѣ Чарторижскаго,—кн. Михаилъ Радзивиллъ, генераль Пацъ, Кохановскій и Нѣмцевичъ *).

Одновременно университетская молодежь организовала „Почетный легіонъ“; по предложенію-же Лелевеля—основался „Патріотическій клубъ“.

Хлопидцкій принужденъ былъ подчиниться приказанію Совѣта и принять главное командованіе арміей. Упрямый, но прямолинейный воинъ—онъ не могъ отказаться отъ послушанія власти, которая формально оставалась законной.

Съ этого времени событія пошли усиленнымъ темпомъ.

3-го декабря къ князю Константину отправилась делегация (кн. А. Чарторижскій, Любецкій, Владиславъ Островскій и Лелевель), чтобъ представить ему народныя требованія. Прежде всего делегация должна была настаивать на выполненіи условій конституціи и на возвратѣ польскихъ провинцій, присоединенныхъ къ Россіи въ концѣ XVIII вѣка,—что не разъ было обѣщано Польшѣ Александромъ I. Неясный и уклончивый отвѣтъ цесаревича не привелъ ни къ какимъ результатамъ. Обѣ стороны поняли, что узелъ, завязанный революціей, не распутается такъ просто.

Вмѣстѣ съ тѣмъ на другой день кн. Константинъ далъ позволеніе польскимъ полкамъ, находившимся до тѣхъ поръ при немъ, соединиться съ соотечественниками; при этомъ онъ поставилъ условіемъ, чтобы ему и императорской арміи не препятствовали спокойно удалиться изъ предѣловъ королевства. Административный совѣтъ предписалъ жителямъ не мѣшать уходу русскихъ войскъ **), и послѣднія безъ какихъ-либо ограниченій въ полномъ вооруженіи отступили. Даже болѣе: обитатели придорож-

*) Все они принадлежали къ числу умѣренной шляхты и были противъ окончательнаго разрыва съ Россіей. Оставивъ власть въ ихъ рукахъ, заговорщики совершили крупную ошибку, печальные результаты которой не замедлили обнаружиться.

**) Это былъ непростительный промахъ временнаго правительства, вызванный боязнью войны. Въ первый моментъ шляхта еще надѣялась уладить дѣло мирнымъ путемъ—посредствомъ сдѣлки съ русскими самодержавіемъ—и не рѣшалась прибѣгать къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Между тѣмъ, русскія войска (не особенно многочисленныя, лишенные провіанта и теплой одежды, и къ тому-же состоявшія главнымъ образомъ изъ сочувствовавшихъ полякамъ литвинъ и бѣлоруссовъ) легко можно было принудить къ сдачѣ, а великаго князя взять въ плѣнъ въ качествѣ заложника. Это несомнѣнно было-бы большимъ козыремъ въ рукахъ Польши.

нихъ деревень съ свойственнымъ полякамъ гостепріимствомъ снабжали русскихъ провіантомъ, а княжна Чарторижская въ Пулавахъ своими средствами пополнила скудную (на сей разъ) кассу великаго князя. (Заплачено ей было за это нѣсколько мѣсяцевъ спустя... уничтоженіемъ замка и конфискаціей всего имѣнія).

Варшава, между тѣмъ, волновалась. Чтобы ее успокоить, Соевътъ постановилъ на 18 декабря созвать сеймъ; Хлопицкій-же провозгласилъ себя диктаторомъ *). Это былъ неудачный шагъ. Геніальный полководецъ и стратегъ — онъ совсѣмъ не имѣлъ способностей политика и администратора. Критика его тогдашнихъ и позднѣйшихъ ошибокъ могла-бы занять цѣлую книгу.

Сеймъ собрался въ назначенное число подъ предсѣлательствомъ маршала Владислава Островскаго. Представители народа санкціонировали возстаніе, признавъ его всеобщимъ и народнымъ. Хлопицкій и тутъ поступилъ нетактично, сложивъ съ себя диктатуру. Съ большимъ трудомъ удалось склонить его вновь взять ее на себя — къ сожалѣнію, не надолго.

Съ этого момента временное правительство пыталось дѣйствовать на два фронта. Былъ составленъ и опубликованъ пламенный манифестъ къ народу, удостовѣрившій необходимость вооруженной борьбы; одновременно Любецкій былъ посланъ въ Петербургъ, чтобы еще разъ попытаться завязать переговоры о мирѣ. Но и эта попытка осталась безрезультатной. Императоръ Николай оказался неумолимымъ, какъ желѣзо, и не захотѣлъ разговаривать съ „бунтовщиками“.

Вооруженная борьба стала неизбежной.

*) Этотъ фактъ чрезвычайно характеренъ для отношеній, установившихся во время революціи между «красными» (крайними лѣвыми) и «бѣлыми» (умѣренными). Поэтому мы расскажемъ его нѣсколько подробнѣе, пользуясь книжкой Лямановскаго

Инициаторы и творцы революціи, видя, что все идетъ по-прежнему, что ни правительство, ни Хлопицкій не помышляютъ вынести знамя возстанія за предѣлы королевства, начали волноваться. Они основали революціонный клубъ, самыми вліятельными членами котораго были Лелевелъ, Мохнацкій и Брониковскій. Подъ ихъ натаскомъ правительство принуждено было ввести въ свою среду Лелевеля и, кромѣ того, дать совѣщательный голосъ Мохнацкому, Брониковскому, Плихтѣ и Гржиммайху. Хлопицкому было выражено порицаніе зато, что онъ такъ спокойно удалится русскимъ. Разгнѣванный — онъ подалъ въ отставку и лишь послѣ долгихъ просьбъ, на другой день согласился остаться, но уже въ качествѣ диктатора съ цѣлью, какъ онъ самъ объяснилъ, «обузданія враговъ внутреннихъ, которые не менѣе опасны, чѣмъ вѣншіе»... Зякъ въ Хлопицкомъ ясно сказалась типичнѣйшая черта зажиточной шляхты: страстная жажда «порядка» и боязнь коренной ломки устоевъ настоящаго. Понятно, что въ минуты борьбы такіа стремленія могли только вредить дѣлу.

Въ этотъ—особенно важный—моментъ Хлопицкій еще разъ сложилъ съ себя власть, отказываясь даже отъ командованія арміей. Поспѣшно собравшійся сеймъ избралъ главнымъ вождемъ князя Михаила Радзивилла.

29 января 1831 года на засѣданіи сейма было оглашено официальное объявленіе о лишеніи власти дома Романовыхъ. Оно было встрѣчено восторженными криками. Изъ залы сейма крики перешли на улицу и, словно эхо, переливались изъ конца въ конецъ Варшавы. Вечеромъ запылала ослабительная иллюминація; воинственнымъ манифестаціямъ не было конца.

✓ Польша праздновала свое освобожденіе...

Въ это время первые полки Дибича уже вступили на ея почву. Революція закончилась. Начиналась война.

II.

Польскія войска, выступившія на борьбу съ „исполиномъ Сѣвера“, были немногочисленны, зато очень высокаго качества. Въ нихъ еще жили Наполеоновскія традиціи, еще не были забыты его уроки. Что всего важнѣе, каждый солдатъ былъ и чувствовалъ себя полякомъ и патриотомъ. Если и нашлись нѣкоторые офицеры, которыми руководилъ въ этой кампаніи расчетъ, то солдаты всѣ отъ перваго до послѣдняго вели себя въ высшей степени мужественно; патриотическое настроеніе среди войскъ было такъ приподнято, что когда Гелгуль, отступая изъ Литвы, перешелъ границу и позволялъ пруссакамъ разоружить себя,—его солдаты, охваченные яростью и отчаяніемъ, застрѣлили своего вождя.

Съ такой арміей можно было совершить чудеса. Они были совершены и на самомъ дѣлѣ; по крайней мѣрѣ польскіе солдаты возбуждали удивленіе не только у офицеровъ Дибича, но даже у... Хлопицкаго. Раненый подъ Гроховымъ генераль, лежа на койкѣ, говорилъ одному изъ своихъ друзей:—„Вилали, какъ они дрались? какъ шли въ штыки? Крестьяне съ косами стояли подъ огнемъ, словно старая гвардія. Даже ожидать этого было нельзя. Съ такимъ войскомъ можно побить кого угодно!“—Увы! Скептикъ-наполеоновецъ слишкомъ поздно пришелъ къ этому убѣжденію... Впослѣдствіи, когда спутникъ старости—меланхолия—овладѣла имъ, онъ разъ съ грустью сказалъ кому-то у могилы Костюшки *) :—„И я могъ-бы имѣть такую гробницу“...

*) Костюшко (род. въ 1746 г., ум. 1817) — известный польскій герой, участникъ войнъ за независимость конца XVIII вѣка. Сражался также подъ начальствомъ Вашингтона противъ Англіи за независимость Америки.

Впервые русскіе и поляки столкнулись 14 февраля подъ Стонкомъ. Послѣдними командовалъ офицеръ Дверницкій—человѣкъ, неповоротливый по наружности, но рѣшительный и храбрый. Противникомъ его былъ Гейсмаръ, слишкомъ полагавшійся на свою артиллерію и великановъ-драгунъ.

Сраженіе было короткое и отличалось упорствомъ съ обѣихъ сторонъ. Наконецъ, оно окончилось полной побѣдой поляковъ. Русскіе въ беспорядкѣ бѣжали, оставивъ на мѣстѣ двѣсти убитыхъ, въ томъ числѣ двухъ полковниковъ. Поляками было взято сто человѣкъ плѣнныхъ и одиннадцать пушекъ.

Въ этомъ именно сраженіи одинъ батальонъ польской пѣхоты, первый разъ попавшій въ огонь,—въ то время, какъ русская артиллерія засыпала его градомъ картечи, стоялъ на мѣстѣ, какъ каменная стѣна, и полной грудью пѣлъ мазурку Домбровскаго. Пѣсня звучала такъ сильно, что заглушала громъ пушечныхъ выстрѣловъ.

Значительно кровопролитнѣе и упорнѣе была битва подъ Гроховомъ, происходившая нѣсколькими днями позднѣе (19 и 20 февраля). Тутъ наступалъ самъ Дибичъ съ 80000 войска и двумястами пушекъ. Этой огромной силѣ поляки едва были въ состояніи противопоставить 30000 солдатъ и 50 пушекъ.

Сражались ожесточенно, и участь битвы довольно долго колебалась то въ одну, то въ другую сторону. Извѣстная съ тѣхъ поръ „Ольшина“ (небольшой лѣсокъ, лежавшій между двумя арміями), обладаніе которой до извѣстной степени обезпечивало побѣду, нѣсколько разъ переходила изъ рукъ въ руки.

Наконецъ, Дибичъ послалъ въ атаку цвѣтъ своей арміи: славныхъ кирасировъ князя Альберта, закованныхъ въ мѣдныя латы, рослыхъ, неповоротливыхъ, прозванныхъ „непобѣдимыми“. Польскія войска разступились, чтобы пропустить ихъ, и, когда они оказались въ чертѣ ихъ расположенія,—вновь сомкнулись. Тотчасъ же на нихъ обрушались бѣлые уланы, стараясь вывести изъ строя не столько всадниковъ, сколько коней. Когда кирасиры падали, они уже не имѣли силъ подняться и ихъ добивали на землѣ. Весь этотъ отборный корпусъ кавалеріи былъ уничтоженъ; уцѣлѣлъ лишь одинъ полковникъ, котораго плѣннымъ отправили въ Варшаву.

Въ битвѣ подъ Гроховомъ участвовалъ и Хлопицкій, въ качествѣ совѣтника, согласившись на это по просьбѣ Радзивилла и Чарторижскаго. Одѣтый въ штатское платье, въ темно-синемъ сюртукѣ, переходилъ онъ съ позиціи на позицію, указывая березовымъ прутикомъ пункты, которые нужно было занять. И въ этой

рози онъ былъ незамѣнимъ; къ несчастію, ударъ картечи ранилъ его въ обѣ ноги. Но и послѣ этого онъ не уступилъ сразу и продолжалъ въ повозкѣ объѣзжать поле сраженія, отдавая приказы. Лишь большая потеря крови принудила его оставить поле сраженія. Вскорѣ потомъ онъ уѣхалъ въ Краковъ.

Дибичъ тутъ только понялъ, съ какимъ противникомъ онъ имѣетъ дѣло, и, отмѣнивъ назначенный походъ на Варшаву, окопался подъ Вавромъ. Польскія войска заняли позиціи въ укрѣпленіяхъ Праги и въ самой столицѣ.

Настала тишина, предвѣщавшая новую бурю.

Темная и ненастная была ночь съ 30 на 31 марта. Шелъ дождь со снѣгомъ; собаку—и ту лишь съ трудомъ, кажется, можно было выгнать на улицу. Варшавское мѣщанство крѣпко спало, надвинувъ поглубже на уши ночные колпаки,—еще употреблявшіеся въ то время.

Въ продолженіе всей ночи многочисленныя польскіе полки въ глубокомъ молчаніи переходили мостъ, ведущій въ Прагу, и соединялись тамъ съ остальными отрядами. Во главѣ отдѣльных дивизій стояли генералы: Рыбинскій, Малаховскій, Скаржинскій и Лубенскій.

На разсвѣтѣ дождь прекратился,—вмѣсто него на землю легъ непроглядный туманъ. Едва могъ различить свой своего; о неприятелѣ нечего и говорить. Подъ прикрытіемъ мглы дивизія Рыбинскаго безпрепятственно вплоть подошла къ окопамъ русскаго лагеря въ Ваврѣ, бросилась на нихъ и прежде чѣмъ русскіе успѣли приготовиться къ отпору, они были выбиты изъ шанцевъ. Польская пѣхота въ штыки гнала ихъ до самой Милосны.

Разбитыя части около полудня соединились съ корпусомъ генерала Розена, который, собравъ подъ Дембомъ Великимъ около 25000 войска, приготовился принять рѣшительную битву. Въ три часа по полудни 8-й и 4-й полки первыми начали дѣло. Это была блестящая атака, которая, однако, могла-бы окончиться не менѣе блестящей неудачей, благодаря нерѣшительности генерала Скржинецкаго, командовавшаго въ этомъ сраженіи арміей; о немъ поговоримъ сейчасъ подробнѣе.

Главные силы польской арміи съ Малаховскимъ во главѣ занявъ мѣстечко Бржезины, должны были, по приказанію главнокомандующаго, оставаться на мѣстѣ и въ бездѣйствіи смотрѣть на отчаянныя усилія своихъ товарищей. Только позднимъ вечеромъ польская кавалерія, подъ начальствомъ Скаржинскаго, напала на русскихъ одновременно съ двухъ сторонъ, сломала ихъ колонны и заставила въ замѣшательствѣ обратиться въ бѣгство, укрываясь

въ окрестныхъ лѣсахъ. На утро выигранное дѣло окончилъ генераль Лубенскій, который въ погонѣ за убѣгавшими бралъ въ плѣнъ цѣлыя батальоны съ вооруженіемъ и знаменами, а на дорогѣ между Дембомъ и Калишемъ захватилъ 6000 плѣнныхъ и 50 ящиковъ аммуниціи.

Безъ сомнѣнія—въ эту минуту побѣда, можетъ быть—окончательная, была въ рукахъ у поляковъ, но они не удержали ее.

Генераль Прондзинскій, извѣстный стратегъ, если не самый дѣятельный, то, вѣроятно, самый способный изъ современныхъ польскихъ офицеровъ, горячо совѣтовалъ Скржинецкому, помощникомъ котораго онъ былъ, напрячь всѣ силы, напасть на армію Дибича и, воспользовавшись пораженіемъ Розена, нанести ей рѣшительный ударъ. Успѣхъ былъ очень вѣроятеиъ, такъ какъ Дибичъ, задержанный на мѣстѣ весенней распутицей, нагруженный двумястами пушекъ и тремястами возовъ военныхъ припасовъ и къ тому-же, терзаемый холерой, которой хворала десятая часть его солдатъ,—долженъ былъ бы при приближеніи поляковъ все бросить и искать спасенія въ безпорядочномъ бѣгствѣ.

Скржинецкій не одобрилъ этого проекта и тѣмъ погубилъ все дѣло.

Въ общемъ этотъ странный человѣкъ сыгралъ тутъ печальную роль. Всѣ историки 1831 года называютъ его злымъ духомъ возстанія. Онъ совершалъ ошибку за ошибкой, не теряя ни на минуту увѣренности въ себѣ, что доказывало его необычайную, почти болѣзненную умственную ограниченность.

Его фигура постороннему наблюдателю напоминаетъ порой, крайней запутанностью и необъяснимой трагичностью, шекспировскіе образы. Своей наружностью, своимъ вѣчнымъ самолюбованіемъ, лицемѣріемъ, смѣшаннымъ съ сибаритствомъ, ограниченностью ума, соединенной съ напыщенной торжественностью рѣчи,—всѣмъ этимъ Скржинецкій могъ бы насмѣшить, если-бы дѣятельность его не заставила горько плакать...

Судьба, давшая полякамъ такого вождя въ критическую минуту, должно быть, не хотѣла, чтобы окончательная побѣда осталась за ними *).

*) Гомулицкій, сваливая всю вину за неудачу на одного Скржинецкаго, слишкомъ поверхностно смотритъ на вещи. Скржинецкій, какъ и большинство тогдашнихъ польскихъ генераловъ, былъ лишь типичнымъ представителемъ верѣшительнаго дворянства. Заботясь больше всего о цѣлости своихъ владѣній, оно съ тревогой слѣдило за развитіемъ войны и всѣми силами старалось потушить ее. Отсюда тяготившіе Скржинецкаго къ дипломатическимъ приѣмамъ (см. ниже). Причина неудачи возстанія, по нашему мнѣнію, заключается главнымъ образомъ въ узкомъ сословномъ эгоизмѣ шляхты.

Дибичъ, не встрѣчая дальнѣйшихъ препятствій, удался изъ небезопаснаго расположенія и черезъ Сѣдлецъ вступилъ на свою первую операціонную линію. Лишь въ тотъ моментъ, когда онъ уже кончалъ свой маршъ, Скржинецкій уступилъ настойчивымъ совѣтамъ Прондзинскаго и рѣшилъ атаковать корпусъ Палена подѣ Иганями. Но и тутъ проявилъ такъ мало энергіи, что прибылъ на мѣсто, когда все уже было сдѣлано Прондзинскимъ. Послѣдній опередилъ Скржинецкаго и, имѣя всего около 8000 человекъ, одержалъ безусловную побѣду. На полѣ сраженія осталось 2000 русскихъ труповъ; 3000 человекъ было взято въ плѣнъ; кромѣ того, полякамъ досталось много пушекъ.

Этимъ закончился благоприятный для Польши періодъ войны.

III.

Въ продолженіе двухъ недѣль арміи неподвижно стояли другъ противъ друга, словно окаменѣлая. Въ воздухѣ чувствовалась близость бури. Дибичъ упалъ духомъ. Пораженіе русскихъ войскъ казалось неизбежнымъ. Но не хотѣлъ этого Скржинецкій. Вѣрише: не хотѣла этого судьба.

— Напрасно Прондзинскій старался доводами и краснорѣчіемъ убѣдить главнокомандующаго въ необходимости большого рѣшительнаго сраженія. Скржинецкій гладилъ старательно выхолощенную бороду, оправляя блестящей золотымъ шитьемъ мундиръ и загадочно улыбался...

— У меня свой планъ,—повторялъ онъ съ миной сфинкса,— планъ продуманный, который я пока не могу сообщить, но который... которымъ... при помощи котораго...

Такъ и не кончилъ. Приѣхали изъ города дамы; для нихъ въ обозѣ устраивалась вечеринка.

Впослѣдствіи секретъ его плана выяснился. Генераль, кромѣ многихъ другихъ, не всегда невинныхъ, слабостей, имѣлъ двѣ, особенно сильныхъ: страстно любилъ позировать передъ художниками и чувствовалъ непреодолимое влеченіе къ дипломатіи. За плечами товарищей и за плечами народа онъ завелъ тайную переписку съ вѣнскимъ, берлинскимъ и парижскимъ дворами; пробовалъ даже завязать переговоры съ Дибичемъ и съ Петербургомъ. Къ счастью для его памяти это было только—смѣшно. Отъ всѣхъ кабинетовъ ему приходили однохонные совѣты: „Не спѣшать... вооруженныхъ столкновеній стараться избѣгать... ждать... Черезъ мѣсяць, два... можетъ три, горизонты прояснятся— и все устроится по-хорошему“. Онъ и не спѣшилъ, ждалъ—

посвящая все время, оставшееся отъ сна, ѣды, переговоровъ, позировки и волокитства, чтенію большихъ политическихъ газетъ. О послѣдней его страсти знали и раньше. Князь Константинъ такъ охарактеризировалъ его Николаю:— „этс полковникъ, который лучше знаетъ, что дѣлается въ заграничныхъ газетахъ, чѣмъ въ своемъ полку...“.

Если иногда, подъ напоромъ окружающихъ, онъ и приходилъ къ какому-нибудь рѣшенію, — всегда это случалось слишкомъ поздно. Такъ было съ походомъ Дверницкаго на Волынь, съ помощью, данной повстанцамъ въ Литвѣ и т. д., и т. д.

Между тѣмъ, судьба не переставала покровительствовать малодушному вождю и неустанно дарила ему возможность легкой побѣды.

Князь Константинъ, политическая роль котораго была кончена еще 3 декабря, находяся съ императорской гвардіей—этой отборной частью русскихъ войскъ—въ чрезвычайно невыгодномъ положеніи. Совершенно не зная, какъ расположены польскія войска, онъ стоялъ съ обозомъ въ Снядовѣ—между Остроленкой и Ломжей,—чувствуя себя тамъ вполнѣ безопаснымъ. Между тѣмъ, какъ разъ противъ этого мѣста находились главныя силы поляковъ и квартира главнокомандующаго. Легко можно было гвардію отрѣзать, разбить и взять цесаревича въ плѣнъ. Все это казалось, однако, Скржинецкому невозможнымъ, почти сверхчеловѣческимъ. Онъ до тѣхъ поръ не рѣшался на атаку, пока великій князь, узнавъ объ опасности, не началъ отступленія. Тутъ нужно было-бы энергично преслѣдовать уходящихъ, а Скржинецкій дѣлалъ это такъ небрежно, съ такой (можетъ быть, намѣренной) неторопливостью, что каждый изъ отрядовъ, достигнувъ указаннаго мѣста, находилъ тамъ лишь остывшіе слѣды...

Въ арміи и между офицерами раздавался громкій ропотъ... Чтобы затушить его и поднять воинскій духъ, онъ поспѣшно отправилъ часть войскъ, подъ начальствомъ Хлаповскаго, въ Литву. Къ сожалѣнію, было это сдѣлано совсѣмъ не во время. Поляки не принесли большой пользы литовцамъ; силы-же ихъ оказались раздѣленными въ ту минуту, когда какъ разъ необходимо было ихъ наибольшее сосредоточеніе.

При такихъ условіяхъ произошла битва при Остроленкѣ—кровопролитнѣйшая и какъ-будто бы импровизированная, такъ какъ ни одна изъ сторонъ не имѣла ея въ своихъ планахъ. Скржинецкій прибылъ къ Остроленкѣ для отдыха, Дибичъ считалъ ее лишь за этапъ въ погонѣ за поляками, которые должны

были, по его мнѣнію, отступать до Ружана. Поэтому сраженіе происходило словно въ потемкахъ.

Польскій главнокомандующій, выбитый изъ своего дѣланнаго равновѣсія бѣшеннымъ хаосомъ битвы, которая смѣшала и какъ-будто бросила въ одинъ котелъ обѣ арміи, напрягавшія послѣднія отчаянныя усилія,—окончательно потерялъ голову. Какъ у всѣхъ малодушныхъ людей, истинная отвага у него замѣнилась безпкойной порывистостью и криками. Гарцуя передъ фронтомъ арміи, онъ кричалъ:—„Малаховскій—впередъ! Рыбинскій—впередъ! Всѣ впередъ!“—не отлавая себѣ отчета въ томъ, что полкъ за полкомъ шли на вѣрную гибель. То вдругъ отдалъ несчастный приказъ спрятаннымъ за песчаными холмами батареямъ и укывшейся среди лѣсу пѣхотѣ, чтобы онѣ вышли изъ укрытій и встали подъ неприятельскими выстрѣлами.—„Французскіе солдаты въ подобномъ случаѣ пустили-бы ему пулю въ лобъ!“—крикнулъ при этомъ съ болью и гнѣвомъ Продзинскій.

Въ теченіе цѣлыхъ сутокъ (26 мая) продолжалось страшное обоюдное истребленіе. Къ вечеру Дибичъ, окруженный своимъ штабомъ, переправился съ войсками черезъ мостъ, чтобы разбросаннымъ по пескамъ и въ заросляхъ у р. Нарова полякамъ нанести послѣдній ударъ.

Тутъ появился на сцену славный Бемъ—увѣковѣченный впоследствии народной пѣсней, Бемъ—извѣстный артиллеристъ, игравшій на душкахъ, какъ на клавишахъ органа, человекъ спокойный, даже флегматичный, рано полмысѣвшій, съ округлымъ лицомъ нѣмецкаго колониста. Въ минуту наибольшаго переполоха, среди смятенія убѣгавшихъ поляковъ, онъ поставилъ на подходящую позицію десять легкихъ пушекъ и заигралъ... Отъ этой музыки мостовой настилъ покрылся горами русскихъ тѣлъ, и нарвскимъ волнамъ стало тѣсно среди труповъ. Триумфальное шествіе русскихъ было такимъ образомъ остановлено; Дибичъ съ остатками своего войска долженъ былъ вернуться назадъ.

Благодаря Бему, поляки удержались на мѣстѣ боя. Это былъ хорошій выходъ изъ труднаго положенія. Но онъ стоилъ имъ очень дорого. Они потеряли 7000 солдатъ и 300 офицеровъ, въ числѣ которыхъ были извѣстные генералы: Кицкій и Генрихъ Каминскій. Русскіе имѣли убитыхъ и раненыхъ около 1500 человекъ.

Ужасныя и, что всего печальнѣе, бесполезныя потери!

Пишущій эти строки вспоминаетъ, что четверть вѣка спустя онъ ребенкомъ бывалъ въ тѣхъ мѣстахъ съ своими сверстниками; дѣтскими руками они вытаскивали изъ желтаго нарвскаго

песку людскія кости, густо тамъ разсѣяныя. Одинъ только Богъ могъ сказать, какому народу принадлежали они...

На другой день послѣ битвы Скржинецкій въ коляскѣ уѣхалъ въ Варшаву; всю дорогу онъ ломалъ руки, плакалъ и трагическимъ тономъ, къ которому всегда, такъ же какъ и къ латыни, питалъ сильную склонность, повторялъ:

— Finis Poloniae!.. Finis Poloniae!.. *).

Когда вѣсть о поражении пришла въ Варшаву, кн. Чарторижскій сейчасъ же собралъ чрезвычайное засѣданіе, которое рѣшило бы, что предпринять, имѣя въ виду совершившійся фактъ. Поднялись громкіе протесты противъ поступковъ главнокомандующаго, осуждали всю его тактику, требовали немедленно лишить его власти. Казалось, Скржинецкій долженъ пасть. Вышло противное. Люди, подобные ему, всегда бываютъ баловнями судьбы, которая забавляется съ ними, какъ нянька съ дѣтьми...

Витеватый, патетическій, пересыпанный латинскими фразами рапортъ генерала, вмѣстѣ съ интригами его друзей и приближенныхъ, произвелъ почему-то благопріятное впечатлѣніе. Его не только не осудили, но даже отправили къ нему депутацію съ выраженіемъ признательности за то, что въ тяжелую минуту онъ сохранилъ мужество и не отчаялся въ торжествѣ народнаго дѣла... Очевидно, члены правительства не знали о „finis Poloniae“; объ этомъ стало извѣстно лишь много лѣтъ спустя—черезъ Прондзинскаго.

— Отчизна,—сказалъ главнокомандующій депутаціи, принявъ соотвѣтствующую случаю позу,—поступила со мной, какъ древній Римъ съ Варрономъ.

Форстеръ въ „Pologne“ пишетъ объ этомъ: „Правда, что то-же самое встрѣтило Варрона послѣ пораженья подъ Каннами, но Варронъ велъ себя тогда по крайней мѣрѣ скромно...“.

Польскому же Варрону скромность была такъ несвойственна, что онъ какъ разъ въ это время началъ думать о диктатурѣ, а Прондзинскаго и Круковецкаго, въ которыхъ видѣлъ самыхъ суровыхъ критиковъ и опасныхъ противниковъ, возненавидѣлъ и сдѣлалъ предметомъ постоянныхъ преслѣдованій.

Между тѣмъ, Гелгудъ, Хлаповскій и Дембинскій, отправленные въ Литву съ недостаточными силами и вдобавокъ... забытые тамъ главнокомандующимъ, имѣя едва 12000 солдатъ и двѣнадцать орудій, хотя и дрались, какъ львы, тѣмъ не менѣе не имѣли никакой надежды на побѣду... Литвины и жмудины толпами

*) Конецъ Польшы!..—извѣстное вослѣдіе Костюшки.

стекались подъ ихъ знамена, не было даже недостатка въ женщинахъ, готовыхъ пожертвовать жизнью за свободу (Эмилія Плятеръ, воспѣтая Мицкевичемъ въ его „Смерти полковника“, Ращановичъ, Анна Томашевская и др.). Они рѣшались на такія смѣлыя предпріятія, какъ осада Вильны; иногда въ мелкихъ стычкахъ—въ Бѣловежской пушчѣ и еще кое-гдѣ—они не разъ имѣли успѣхъ, но все было напрасно. Окончательно обезсиленные (подъ Шавлями 2-го іюля), они были вынуждены отступить въ предѣлы Пруссіи, гдѣ были разоружены.

Въ это время въ русской арміи произошли крупныя событія. Императоръ Николай былъ очень недоволенъ меленнымъ ходомъ кампаніи, сопровождаемой такими большими потерями. Изъ Петербурга послали въ армію графа Орлова, поручивъ ему ускорить военныя дѣйствія.

Орловъ нашелъ Дибича въ лагерѣ подъ Пултускомъ. Вскорѣ послѣ его прибытія (10 іюня) фельдмаршалъ умеръ внезапной смертью. Рѣшили, что отъ холеры, хотя были нѣкоторыя данныя подозрѣвать отравленіе. Военные врачи на слѣдствіи указывали на пултусскаго аптекаря Циммермана.

Временное командованіе арміей принялъ на себя генералъ Толль.

Нѣсколькими днями позднѣе (29 іюня) такъ-же внезапно и отъ той же самой болѣзни скончался великій князь Константинъ.

На сцену выступило новое дѣйствующее лицо: главное командованіе русской арміей принялъ фельдмаршалъ Паскевичъ.

IV.

По мнѣнію глубокихъ знатоковъ той эпохи, Паскевичъ явился уже тогда, когда участь войны была рѣшена. Это былъ тоже любимецъ судьбы. Не герой, не военный гений, не великій политикъ,—словомъ, человекъ безусловно средней мѣры,—онъ безъ труда сорвалъ лавры, которые выросли у него подъ ногами.

Къ тому времени дорога къ триумфу была ему приготовлена (не столько пушками (которыми онъ все-же запасся въ такомъ изобиліи, словно шелъ на покореніе цѣлаго свѣта), сколько внутренней дезорганизаціей поляковъ. Ихъ народное дѣло гибло: оно, какъ рыба, начало загнивать съ головы.

Противъ Варшавы, которая едва была въ состояніи выставить 20000-й гарнизонъ (остальныя войска расположились въ другихъ пунктахъ), Паскевичъ стянулъ 118000 войска съ четырьмястами орудій!

Между тѣмъ, въ столицѣ кипѣлъ воинственный пылъ, къ сожалѣнію, направленный противъ своихъ. Надъ Вислой ожила давняя, родившаяся еще при первыхъ выборныхъ короляхъ, гидра внутреннихъ междоусобій, и зашипѣла тысячами своихъ языковъ.

„Демократическій клубъ“, образовавшійся изъ „политическаго“, отчаянно боролся съ временнымъ правительствомъ, которое состояло изъ приверженцевъ Чарторижскаго. Правительство вело обостренные, но безплодные споры съ Скржинецкимъ. Скржинецкій явными и тайными ударами мстилъ Круковецкому и его союзникамъ. Немоевскій ссорился; Малаховскій отчаявался; Прондзинскій обдумывалъ геніальные планы, которыхъ некому было выполнять. Появился на время чудомъ уцѣлѣвшій отъ литовскихъ погромовъ Генрихъ Дембинскій, храбрый воинъ, далекій отъ всякой партійности, т. е. именно такой человѣкъ, какого было нужно въ эту минуту, но его сейчасъ-же взялъ подъ свое покровительство Скржинецкій, и эта слишкомъ демонстративная приязнь его скомпрометировала.

Главнокомандующій доживалъ уже послѣдніе дни своей власти. Приглашаемый для объясненій, вызываемый въ разныя комиссіи—онъ ускользалъ, какъ змѣя, засыпая глаза своимъ судьямъ пескомъ шумливыхъ фразъ и огромной самоувѣренностью. Даже тогда, когда Чарторижскій и Немоевскій, исполняя волю правительства, удалились въ лагерь подъ Болимовымъ, онъ пробовалъ еще заговорить ихъ, увѣряя честнымъ словомъ солдата, что выработалъ планъ кампаніи, благодаря которому „ни одинъ москаль живымъ изъ Польши не уйдетъ...“.

Наконецъ, онъ всетаки палъ, хотя и при паденіи своемъ причинилъ немало хлопотъ.—„Слишкомъ поздно раскусили его,“—вздыхалъ Прондзинскій. Изъ четырехъ кандидатовъ, которыми были: Дембинскій, Уминскій, Прондзинскій и Малаховскій, главнокомандующимъ избрали пользовавшагося въ ту минуту наибольшей популярностью Дембинскаго*).

Послѣдній 14 августа началъ отступать къ Варшавѣ. За нимъ по пятамъ слѣдовалъ Паскевичъ. На другой день, 15-го—главная квартира польской арміи находилась всего только въ двухъ миляхъ отъ столицы.

Извѣстіе объ этомъ сильно взволновало варшавянь, которые, пользуясь праздничнымъ днемъ, толпами ходили по ули-

* Въ виду того, что мы расходимся съ авторомъ во взглядѣ на событія 15 августа,—дальнѣйшее описаніе этого эпизода возстанія даво по книжкѣ В. Лямановскаго.

намъ. Въ 5 часовъ пополудни происходило крайне многолюдное собраніе Патріотическаго клуба, которое отправило депутацію къ правительству. Депутацію сопровождала тысячная толпа. Около Королевскаго замка тоже собрались огромныя толпы, кричавшія: „смерть предателямъ!“*). Въ половинѣ одиннадцатаго толпа выбила двери, вытащила на улицу Гуртига, Янковскаго, Буковскаго, Базанова и еще нѣсколькихъ, убила ихъ и тѣла повѣсила на фонарныхъ столбахъ. Послѣ этого она разсыпалась во всѣ стороны, чтобы хватать и вѣшать шпионовъ. Погибло послѣднихъ въ эту памятную ночь до тридцати, въ томъ числѣ извѣстные: Шлей, Макротъ, Бирибаумъ. Въмѣстѣ съ криками: „смерть предателямъ!“, „смерть шпионамъ!“, звучали также возгласы: „смерть аристократамъ!“.

Правительство въ этой сумятицѣ совершенно потеряло голову. Нѣкоторые члены его бѣжали въ лагерь. Шляхта и вообще состоятельные классы были крайне встревожены. Тутъ выступилъ на сцену Круковецкій. Пользуясь довѣріемъ населенія еще со временъ своего прежняго губернаторства въ столицѣ, онъ сталъ стараться успокоить расхолодившіяся страсти и объявилъ себя губернаторомъ Варшавы. На другой день безпорядки возобновились, но Круковецкій не далъ имъ принять большіе размѣры. Такимъ образомъ, онъ предсталъ передъ сеймомъ, какъ избавитель, и это упрочило за нимъ дорогу къ власти. 16 августа всѣ 5 членовъ правительства подали въ отставку. На другой день сеймъ постановилъ, что избираемый имъ президентъ будетъ по своей волѣ назначать главнокомандующаго и отвѣтственныхъ министровъ. Значительнымъ большинствомъ голосовъ президентомъ былъ избранъ Круковецкій.

Такимъ образомъ, 18 августа онъ обладалъ наивысшей гражданскою властью. Главное командованіе было предложено (слишкомъ поздно!) Прондзинскому, но онъ отказался. Начальникомъ войскъ остался Дембинскій. Скржинецкій втихомолку переправился за границу.

4 сентября Паскевичъ со своей испанской арміей обложилъ Варшаву. Приближалась послѣдняя сцена послѣдняго акта.

Фельдмаршалъ пытался завязать переговоры. Условія его были не сложны. Именемъ императора онъ обѣщалъ „забвеніе

*) Въ то время въ замкѣ находились задержанные по обвиненію въ неповѣдѣніи и небрежности (въ походѣ противъ Ридигера) Янковскій и др. польскіе генералы. Кромѣ того, тамъ содержались подозрѣвавшіеся въ измѣнѣ Гуртигъ, Саладкій, Базановъ, Феншау и др.

всего, что было, и гарантии счастливаго будущаго". Совѣтъ министровъ, поддержанный сеймомъ, отвергъ его предложенія.

6 сентября, рано утромъ, русская артиллерія открыла адскій огонь, направленный главнымъ образомъ на укрѣпленія Воли*). Обороной Воли командовалъ генералъ Совинскій, ветеранъ 12-го года, на костыляхъ, человекъ какъ-будто вылитый изъ бронзы, мужественный, презиравшій смерть. Рядомъ съ нимъ сталъ Петръ Высоцкій, первый творецъ возстанія.

Полторатысячная горсть людей съ десятью орудіями въ теченіе нѣсколькихъ часовъ выдерживала бой съ русской артиллеріей, располагавшей 60-ю орудіями. Это вывело Паскевича изъ себя, и онъ направилъ въ городъ еще многочисленныя полки пѣхоты и *сто пятнадцать орудій*. Гибель Воли была неизбежна. Шестнадцать батальоновъ обрушилось на 54-й редутъ, защищавшійся кучкой поляковъ едва съ 6 пушками на разбитыхъ лафетахъ. Окопы, какъ муравьями, покрылись тьмой разъяренныхъ солдатъ, побѣдное „ура“ загремѣло изъ тысячи грудей, какъ вдругъ... задрожала земля, загремѣлъ подземный громъ, и, словно при изверженіи вулкана, сотни растерзанныхъ тѣлъ, вмѣстѣ съ землей и камнями, съ страшнымъ грохотомъ взлетѣли на воздухъ!***).

Вскорѣ потомъ пала Воля. Совинскій погибъ геройской смертью ***). Высоцкій, тяжело раненый, попалъ въ плѣнъ.

Около трехъ часовъ по-полудни огонь съ обѣихъ сторонъ стихъ. Фельдмаршалъ назначилъ на другой день генеральный штурмъ города. Короткій перерывъ въ военныхъ дѣйствіяхъ былъ посвященъ возобновленію прерванныхъ переговоровъ. 1

Послѣ долгихъ стараній съ обѣихъ сторонъ раннимъ утромъ 7 сентября въ русскій лагерь отправились Круковецкій съ Прилзинскимъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ адъютантовъ.

*) Воля—предмѣстье Варшавы, самое сильное укрѣпленіе, отъ котораго зависѣла судьба города.

***) Этотъ редутъ «54» извѣстенъ подъ именемъ «редута Ордона». Говорятъ, что виновникомъ взрыва былъ поручикъ Ордонъ, который, не желая сдаваться русскимъ, поджегъ пороховой погребъ.

***) Совинскій давъ честное слово, что живымъ онъ не уступитъ Волю,—сдержалъ его. Съ презрѣніемъ отвергнувъ всѣ предложенія сдачи, онъ въ послѣдній моментъ удался въ древній костель, стоявшій среди укрѣпленій. Тамъ, и прислонясь къ колоннѣ, сталъ этотъ герой на костыляхъ. Когда русскіе гренадеры ворвались въ выбитыя двери, онъ неустрашимо съ ружьемъ въ рукахъ оборонялся до тѣхъ поръ, пока не упалъ, пронзанный 6-ю пулями. Даже и послѣ смерти онъ сохранилъ угрожающій видъ.

Гордый тонъ представителя польскаго правительства немало иѣшалъ соглашенію. Встрѣча закончилась на томъ, что Круковецкій, принявъ къ свѣдѣнію условія фельдмаршала (на этотъ разъ, конечно, менѣе пріятныя), получилъ право дать окончательный отвѣтъ послѣ обсуждения его сеймомъ. На это Паскевичъ предоставилъ ему три часа.

Они протекли. Срокъ былъ продленъ еще на полчаса. Но Круковецкій не явился и явиться не могъ,—потому что, едва вернулся онъ въ Варшаву, оппозиція съ Бонавентурой Немосвскимъ во главѣ лишила его власти.

По приказу фельдмаршала, триста пятьдесятъ пушекъ начали канонаду, которая гремѣла отъ часу по-полудни до самой ночи. Это было для Варшавы по истинѣ судный день. Земля буквально трескалась...

Къ вечеру стали разрушаться дома; все предмѣстье Чистое пылало въ огнѣ; русскія войска уже входили черезъ Вольскую заставу въ городъ.

Круковецкій, вынудивъ согласіе сейма, послалъ къ Паскевичу Прондзинскаго съ безпорядочно набросаннымъ письмомъ, которое въ сущности представляло собою—актъ капитуляціи.

Но пока Прондзинскій еще оставался въ русскомъ лагерѣ сеймъ призналъ дѣйствія президента не дѣйствительными и прекратилъ всякіе переговоры.

На вспѣненномъ конѣ, среди грохота пушекъ, треска лопающихся гранатъ, криковъ и воплей толпы, въ ужасѣ тѣснившейся на улицѣ, вѣхалъ въ городъ посланный фельдмаршаломъ, его адъютантъ графъ Бергъ (позднѣйшій намѣстникъ королевства). Онъ прибылъ, чтобы подписать съ Круковецкимъ условія перемирія.

Круковецкаго уже не было въ городѣ. Желая, по крайней мѣрѣ, спасти забытую всѣми армію, онъ вывелъ ее черезъ мостъ въ Прагу. Уполномоченный Паскевича ни съ кѣмъ инымъ не хотѣлъ имѣть дѣла. Между тѣмъ, гранаты все гуще и гуще падали на городъ, зарево пылало на небѣ, плачь женщинъ и дѣтей оглашалъ воздухъ.

Наконецъ, съ большимъ трудомъ удалось вернуть Круковецкаго въ Варшаву, и капитуляція была подписана.

На другой день (8 сентября) русскія войска заняли столицу.

Такъ закончилось возстаніе польскаго народа. Начатое съ беззавѣтной отвагой—оно оказалось неудачнымъ, благодаря нерѣшительности руководителей. Несмотря на это, теперь даже и враги принуждены съ уваженіемъ склониться передъ героизмомъ народа, боровшагося за свое драгоцѣннѣйшее достояніе—свободу.



52-53г

21.7.73

16. VII 73

12.02.77 K841

Выдается только
в читальном зале

9(4)2 (438 Рольва)